

рыми ему случалось потѣшаться: ихъ онъ зналъ, стилистическому анализу почти не было мѣста, на сцену выходили живыя лица, діалогъ становился бойчѣе, сбрасывая латинскія узы, типы старыхъ разсказовъ, если они попадались подъ руку, становились — характерами. Ибо въ смыслѣ типовъ у Боккаччо немного найдется такого, что бы не встрѣчалось въ старофранцузскихъ потѣшныхъ разсказахъ, вѣроятно, и въ итальянскихъ народныхъ повѣстяхъ того же содержанія: тѣ-же жены, водящія за носъ ревнивыхъ мужей, монахи и священники, тревожимые плотью и любостыжаніемъ; женщины свободнаго поведенія <sup>1)</sup>, какъ *Herselot*, *Mabile*, *Richeut* и услужливыя посредницы любви, знакомыя по фаблѣ <sup>2)</sup>; простаки и скоморохи и самъ *Martin* *Harrart*, такой-же реалистъ и невѣрующій, обирало и сутяга, какъ *Чаппеллетто*. Все это уже было, были и зачатки характера, случайно брошенные въ рамки типа, но только Боккаччо явился сознательнымъ стилистомъ и психологомъ новеллы, поднявшимъ ее своимъ живымъ пониманіемъ личнаго въ реальномъ. Я разумѣю реальность итальянскую: рѣзкіе контрасты настроеній, мужчины, пускающіеся въ слезы, падающіе за-мертво — все это психическія черты южной страстной расы, самого Боккаччо, и онѣ естественны.

## V.

Не забудемъ Боккаччо дидактика: Декамеронъ разсчитанъ на дамъ, которыя найдутъ въ немъ не только удовольствіе, но и «полезный совѣтъ» <sup>3)</sup>; послѣдняя фраза Декамерона прямо говоритъ о пользѣ: «А вы, милыя дамы, пребывайте, по Божьей милости, въ мирѣ, помяная меня, если, быть можетъ, какой-нибудь изъ васъ послужило на пользу это чтеніе» <sup>4)</sup>. Что наставительному элементу своей книги Боккаччо придавалъ не послѣднее значеніе — въ этомъ нельзя сомнѣваться. Разказы каждаго

1) Дек. II, 5; VIII, 10.

2) Сл. выше стр. 118.

3) Дек. Введеніе = пер. I, стр. 8.

4) Пер. II, 336.

дня отвѣчаютъ извѣстнымъ рубрикамъ, обобщающимъ ихъ содержаніе, какъ-бы ввиду вопросовъ, которые можетъ поднять не ихъ фабула, а ихъ жизненная сущность: «о тѣхъ, кто послѣ разныхъ превратностей и сверхъ всякаго ожиданія достигъ благополучной цѣли» <sup>1)</sup>, «о тѣхъ, чья любовь имѣла несчастный исходъ» <sup>2)</sup>, «о томъ, какъ послѣ разныхъ печальныхъ и несчастныхъ происшествій влюбленнымъ приключилось счастье» <sup>3)</sup>; «о великодушій» <sup>4)</sup>. У такого дидактика, какъ Франческо да Барберино въ его *Del Reggimento e dei costumi delle donne*, въ латинскомъ комментарий къ *Documenti d'Amore* и, вѣроятно, въ утраченныхъ *Fiori di novelle* соображенія учительнаго свойства предшествовали рассказамъ, которые являлись какъ-бы нагляднымъ прикладомъ общаго мѣста; въ Декамеронѣ оно едва намѣчено въ темѣ, избранной для рассказовъ каждаго дня, и болѣе вытекаетъ изъ нихъ, чѣмъ ихъ приготовляетъ. Для этого Боккаччьо пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ: не только рѣчи его героевъ, иногда развитыя въ цѣляхъ реторизма, полны назиданій и общихъ сужденій <sup>5)</sup>, но сами собесѣдники морализуютъ по поводу рассказываемаго ими, обсуждаютъ чужія повѣсти начинаютъ свои новеллы постановкой какой-нибудь житейской истины, сѣтуютъ или смѣются надъ приключеніями, хвалятъ или порицаютъ, и эти сужденія опредѣляютъ настроеніе слѣдующаго рассказчика, между новеллами протягивается, несмотря на ихъ иногда случайный подборъ, живая идеальная связь. Темы представляются разнообразныя: въ введеніи и заключеніи 1-й новеллы 1-го дня Памфило говоритъ о «тайнахъ божественныхъ помысловъ», попускающихъ грѣшника быть орудіемъ спасенія — и о спасительности вѣры <sup>6)</sup>, во 2-й Неифила разсуждаетъ о благости Божіей, терпящей недостатки служителей церкви и тѣмъ паче

---

1) День 2-й.

2) День 4-й.

3) День 5-й.

4) День 10-й.

5) Сл. рѣчь Гисмонды IV, 1, рѣчи Тита и Джизиппо X, 8 и др.

6) II, 1.

свидѣтельствующей о своей непреложности, что и иллюстрируется отрицательными впечатлѣніями жизни при римской куріи, вынесенными евреемъ Авраамомъ, какъ въ *Avventuroso Cicerliano*—Саладиномъ <sup>1)</sup>. Вопросъ о нравственной распущенности духовенства въ сравненіи съ идеалами пастырскаго и монашескаго житія не только даетъ содержаніе цѣлому ряду новеллъ, но вызываетъ и обсуждения и нареканія, какъ у Биндо Боньки <sup>2)</sup>, Пуччи и друг. Филострато говоритъ, по поводу новеллы о флорентинскомъ инквизиторѣ <sup>3)</sup>, о «грѣховной и грязной жизни клериковъ» <sup>4)</sup>, Пампинья о глупости монаховъ, соединенной съ самоувѣріемъ <sup>5)</sup>, объ ихъ ханжествѣ и попрошайничествѣ <sup>6)</sup>, Филострато сопоставляетъ ихъ изнѣженность съ обѣтами нищеты и цѣломудрія <sup>7)</sup>, и подобныя же обличенія вложены въ уста одного изъ героевъ 7-й новеллы III-го дня. Великодушный поступокъ духовныхъ лицъ возбуждаетъ удивленіе <sup>8)</sup>, ихъ «крестовый походъ» на семью — и смѣхъ и ропоть <sup>9)</sup>: древнее противорѣчіе идеала и практики, надъ которымъ издавна задумывались наблюдатели церковной жизни и издѣвались средневѣковые фабліо, разрѣшая противорѣчія то смѣхомъ, то карой. Такъ и у Боккаччо: мы хохочемъ надъ успѣхами Мазетто въ женскомъ монастырѣ <sup>10)</sup>, надъ любовной стратегіей поповъ <sup>11)</sup> и наивной страдой Алибекъ <sup>12)</sup>, надъ молитвенными заклинаніями Джьянни Лоттеринги <sup>13)</sup> и святоши Пуччю <sup>14)</sup>. Надо всѣмъ этимъ

1) ed. Nutt, стр. 461.

2) *Canz.* 14; *son.* 4, 19, 21.

3) I, 6.

4) I, 7.

5) III, 3.

6) IV, 2.

7) VII, 3.

8) X, 2.

9) VIII, 2, 4.

10) III, 3.

11) VIII, 2, 10.

12) III, 10.

13) VII, 1.

14) III, 4.

смѣялись и до Боккаччьо: въ одной баллатѣ XIV-го вѣка монахини нѣкой обители являются къ службѣ съ тѣмъ-же непоказаннымъ головнымъ уборомъ, съ какимъ аббатисса Узимбожда <sup>1)</sup>, и заключеніе то-же, что и въ новеллѣ: пусть всѣ пользуются жизнью, говоритъ настоятельница <sup>2)</sup>; но въ восьмой новеллѣ III-го дня торжествуетъ тотъ-же порокъ, который позорно наказанъ въ новеллахъ IV, 2 и VIII, 4. Принципяльнаго разрѣшенія нѣтъ: разскащики Декамерона не индифференты, а по своему религіозны, часто и благоговѣйно поминаютъ имя Божіе, блюдутъ пятницу и субботу <sup>3)</sup>, ходятъ въ церковь <sup>4)</sup>. Ихъ религіозность не обрядовая только, она пошла нѣсколько далѣе эпидермы, но сомнѣнія ее не волнуютъ: новелла о братѣ Чиполлѣ <sup>5)</sup> не протестъ противъ культа мощей, братъ Чиполла завѣдомо веселый обманщикъ; сомнѣніе можетъ возбудить развѣ освященіе, въ которомъ являются чудеса св. Арриго <sup>6)</sup> въ новеллѣ II, 1 или свѣча, поставленная передъ статуей св. Амвросія,—«не того, что въ Миланѣ <sup>7)</sup>: это, быть можетъ, St. Arnould Rustebuef'a <sup>8)</sup>; за то чудесная помощь св. Юліана <sup>9)</sup> и вѣсти изъ чистилища <sup>10)</sup> стоятъ совершенно на точкѣ зрѣнія средневѣковой шутки, развязно вторгавшейся въ извѣстные моменты культа, какъ фаллофоры въ процессіи Діониса. Въ XI вѣкѣ Христофоръ Митиленскій пишетъ гимны въ честь святыхъ, вошедшіе въ наши Миней, и виѣстѣ потѣшается надъ культомъ мощей и ихъ почитателями. Такія противорѣчія и въ Византіи не рѣдкость <sup>11)</sup>. Такова была религіозность самого Боккаччьо: онъ смѣется и громить, но

1) Дек. IX, 2.

2) T. Carini, *Duc antichi repertorii poetici*, въ *Propugnatore*, N. S., vol. II, fasc. 7—8, стр. 205—7.

3) Дек. II, въ концѣ = перев. I, стр. 179.

4) Ib. VIII, нач. = пер. II, стр. 104.

5) VI, 10.

6) Arrigo da Balzano † 1315.

7) VII, 3.

8) *Dit de la dame qui fit trois tours autour di moustier*.

9) II, 2.

10) VII, 10.

11) Сл. Satha Μνημεῖα Ἑλληνικῆς ἱστορίας VII, стр. IX слѣд..

свято чтить Богородицу, собираетъ мощи, сознательно умалчиваетъ въ *De Clavis mulieribus* о христіанскихъ святыхъ, въ трактатѣ объ именитыхъ людяхъ сторожится говорить о папахъ, и флорентійскій архіепископъ зоветъ его человѣкомъ благочестивымъ. Его религіозность — итальянская, реально-пластичная, способная въ минуты нравственныхъ сомнѣній къ бѣшенымъ страхамъ, къ покаянному изступленію флагеллантовъ, безъ того насыщеннаго любовью мистицизма, которымъ озарена Катерина Сіенская, безъ степенно-разсудочнаго благочестія, который напоминаетъ въ Петраркѣ не столько средневѣковаго аскета, сколько искусственно-благіе лики Дольче.

Другія новеллы даютъ поводъ къ другимъ обобщеніямъ: Лауретта разсуждаетъ, какъ потѣшные люди стараго времени высоко понимали свое общественное призваніе, и какъ низко оно упало <sup>1)</sup>; либо говорится о значеніи сновъ <sup>2)</sup>, о красотѣ остраго слова <sup>3)</sup>, о томъ какъ мудрые правители уловляютъ сердца своихъ подданныхъ <sup>4)</sup>, о благородствѣ, обусловленнымъ не родомъ, а доблестью <sup>5)</sup>, потому что природа и судьба, прислужницы свѣта, часто «скрываютъ свои наиболѣе дорогіе предметы подъ сѣнью ремесла, почитаемыхъ самыми низкими, дабы тѣмъ ярче проявлялся ихъ блескъ, когда онѣ извлекутъ ихъ оттуда, когда нужно» <sup>6)</sup>. Такъ должна была ободрять себя поднимавшаяся къ самосознанію личность; мы знаемъ, какъ рано эта мысль тревожила Боккаччо и въ какихъ отношеніяхъ она развилась.

Но природа и судьба и личная доблесть, которую онѣ таятъ и лепятъ въ человѣкѣ—это видимое цѣлое, называемое жизнью, раскрывается, какъ рядъ трагическихъ или потѣшныхъ противорѣчій. Большая часть новеллъ Декамерона построена на кон-

1) I, 8.

2) IV, 5, 6; IX, 7. Сл. *De Cas. Vir. Ill. II, 18; vita di Dante § 17; Com. sopra la Comm. II, 17—18; Gen. Deor. I, I, c. 31.*

3) I, 9; VI, 1.

4) X, 7 въ концѣ.

5) VI, 2, 5 и въ IV, 1 рѣчь Гисмонды.

6) VI, 2 = пер. II, 6.

трастѣ судьбы, слѣпого случая, житейскихъ обстоятельствъ и личности сильной и страстной, либо отдающейся и выносливой. Порой судьба выносить ихъ къ берегу, какъ Александра <sup>1)</sup>, мадонну Беритолу <sup>2)</sup> или Алатіэль <sup>3)</sup>, такими же неисповѣдимыми путями, какими запутала въ превратностяхъ; мы настроены благодушно, какъ послѣ пронесшейся бури; либо личность заявляетъ себя, борясь и протестуя и погибая въ борьбѣ, какъ въ нѣкоторыхъ изъ трагическихъ новеллъ IV-го дня; либо выпутываясь изъ бѣды и достигая своихъ цѣлей изворотливостью, сноровкой, острымъ словомъ, удачей: это главный источникъ смѣха у Боккаччо. Онъ тѣмъ здоровѣе, если не чище, тѣмъ неравномернѣе права на жизнь у одураченнаго и того, кто одурачилъ; мессеръ Риччяардо ди Кинзика <sup>4)</sup>, братъ Пуччьо <sup>5)</sup> и Франческо Верджеллези <sup>6)</sup> сами заслужили свою участь; вотъ почему слушательницы смѣются такъ, «что не было никого, у кого не болѣли бы скулы» <sup>7)</sup>. Вопросъ о нравственной вмѣняемости не поднимается, такъ всѣ заливаются смѣхомъ надъ наивной продѣлкой, интрига интересуетъ сама по себѣ, шутка исчерпывается цѣлью забавы, комическаго эффекта, а тамъ на помощь могутъ придти и неотразимыя силы — Амура.

Потому что сила Амура властвуетъ въ Декамеронѣ, какъ властвуетъ въ природѣ <sup>8)</sup> и въ жизни, и хотя онъ «охотнѣе обитаетъ въ веселыхъ дворцахъ и роскошныхъ покояхъ, тѣмъ не менѣе не оставляетъ проявлять порой свои силы и среди густыхъ лѣсовъ, суровыхъ горъ и пустынныхъ пещеръ, изъ чего можно усмотрѣть, что все подвержено его власти» <sup>9)</sup>. Такъ начи-

---

1) II, 3.

2) II, 6.

3) II, 7.

4) II, 10.

5) III, 4.

6) III, 5.

7) II, 10 = пер. I, 179.

8) *Fiammetta* стр. 25.

9) III, 10; сл. Вступленіе въ IV-й день = пер. I, 275.

нается простодушно-физиологическая новелла объ Алибекъ, и то-же повторяется въ введеніи къ сентиментальному разсказу о любви Симоны и Пасквино, прерванной внезапной смертью <sup>1)</sup>. Ибо любовь понимается въ самомъ широкомъ смыслѣ, обнимающимъ и небо и землю, физиологію и отвлеченія платонизма. Многіе «вполнѣ увѣрены, что лопата и заступъ и грубая пища и трудъ земледѣльца лишаютъ всякихъ похотливыхъ вождедѣній» <sup>2)</sup>, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Боккаччо, сводя все къ вопросу о пищѣ и тунеядствѣ. Это взглядъ реалиста, который онъ проводитъ не разъ. Венера покоится на ложѣ, около нея Вакхъ и Церера и Богатство на стражѣ ея покоя <sup>3)</sup>. Говоря о прелестяхъ Байскаго берега Фьямметта указываетъ на изысканныя яства и старыя вина, способныя не только возбудить заглушенное вождедѣніе, но воскресить и умершее <sup>4)</sup>; позже такъ же объясняется ранняя, ребяческая страсть Данте къ Беатриче: согласіемъ темпераментовъ и нравовъ, вліяніемъ свѣтилъ <sup>5)</sup>, весельемъ празднества, изысканностью кушаній и винъ <sup>6)</sup>. Весной все влечется къ любви, и животныя и женщины и—юноши; не будь законовъ, они доходили бы до неистовства <sup>7)</sup>. Въ концѣ X-го дня Діонео выражалъ свое удовольствіе, что ихъ общество вело себя прилично и честно, хотя разсказывали «новеллы веселыя и, можетъ быть, увлекашія къ вождедѣнію», и они «хорошо ѣли и пили, играли и пѣли, что вообще возбуждаетъ слабыхъ духомъ къ поступкамъ, менѣе чѣмъ честнымъ» <sup>8)</sup>. Такъ и жена французскаго королевича объясняетъ свою внезапную страсть къ графу анверскому: «кто станетъ отрицать, что болѣе заслуживаетъ порицанія бѣднякъ или бѣдная женщина, которымъ приходится трудомъ

---

1) IV, 7.

2) III, 1.

3) Тезеида, сл. выше стр. 330.

4) Fiammetta, стр. 92—3.

5) *Influenzia del cielo*.

6) Ed. Macri-Leone, стр. 15.

7) *Gen. Deor.* III, 22; сл. *Comm. sopra la D. C.* II, 86.

8) *Пер.* II, стр. 328—9.

снискивать потребное для жизни, если они отдадутся и послѣдуютъ побужденіямъ любви, чѣмъ богатая, незанятая женщина, которой нѣтъ недостатка ни въ чемъ, что отвѣчаетъ ея желаніямъ?»<sup>1)</sup>). Эта низменно-физиологическая точка зрѣнія на любовь, отрицательная у Гвигтоне и Данте да Маяно<sup>2)</sup> или у Биндо Боники<sup>3)</sup>, совѣтовавшихъ бороться съ нею очистительными средствами, бичеваньемъ и холодными ваннами — заявляется, какъ положительная въ народныхъ пѣсняхъ о неудачливой въ бракѣ<sup>4)</sup> и въ Декамеронѣ. Она то объясняетъ откровенныя рѣчи жены мессера Риччяардо да Кинзика къ ея хилому супругу, излишне награждавшему ее праздными днями<sup>5)</sup>, и притязанія супруги Пьетро ди Винчоло<sup>6)</sup>, и боязнь англійской королевы, что ее выдадутъ за старика и она можетъ «совершить по своей юношеской слабости что-либо противное божескимъ законамъ и чести королевской крови ея отца»<sup>7)</sup>, почему она сама выбираетъ себѣ супруга, какъ несчастная Гисмонда любовника<sup>8)</sup>. — Иначе приходится лицемѣрить, выдавая приличіе за соблюденіе долга, ибо «скрытый грѣхъ на половину прощень»<sup>9)</sup>, ущербъ чести ни въ чемъ другомъ, какъ въ томъ, что выходитъ наружу<sup>10)</sup>, какъ говорилъ когда то и Овидій<sup>11)</sup>. Гисмонда откровеннѣе: ея рѣчь отцу — защита естественныхъ вожделѣній, требованіе любви по склонности и выбору, не стѣсняющемуся соображеніями рода и богатства. Это протестъ противъ дѣловаго

1) II, 8; сл. Canzone V: Laccio d'amor non lega uomo occupato — Ma chi si posa in ozio e dorme e giace; Ov. Rem. Am. 136 слѣд. Fac monitis fugias otia prima meis, Haec ut ames, faciunt . . . Haec sunt iucundi causa cibusque mali.

2) Въ его отвѣтномъ советѣ къ Данте.

3) Canz. 18.

4) Сл. Casini, l. c. стр. 359 слѣд.

5) II, 10.

6) V, 10.

7) II, 3.

8) IV, 1.

9) I, 4; сл. IX, 2.

10) II, 9, 8.

11) Amor. III, 14, v. 8.: Non peccat, quaequumque potest peccasse negare.



брака, какъ защитительная рѣчь Филиппы передъ судомъ требуетъ отиѣны законовъ, карающихъ женское нецѣломудріе, ибо ихъ установили одни мужчины<sup>1)</sup>; они, позволяющіе себѣ отдаваться всѣмъ своимъ желаніямъ, воображаютъ, что для женщинъ писанъ другой законъ<sup>2)</sup>; имъ по-дѣломъ, если ихъ также проводятъ<sup>3)</sup>, если неумѣстная ревность доводила ихъ до позора<sup>4)</sup>, и не по-дѣломъ было Гвальтьери, что безумныя испытанія, которымъ онъ подвергъ свою жену, кончились для него такъ, а не иначе<sup>5)</sup>.

Любовь царить невозбранно; «о Амуръ! каковы и сколь велики твои силы? Каковы твои совѣты и измышленія? Какой философъ, какой художникъ былъ когда-либо въ состояніи или можетъ изобрѣсти тѣ похватки, тѣ выдумки, тѣ сноровки, которыя ты внезапно являешь идущимъ по слѣдамъ твоимъ?»<sup>6)</sup>. Онъ заставляетъ влюбленныхъ презирать всякія опасности и смерть<sup>7)</sup>, караетъ за жестокость къ любящимъ<sup>8)</sup>, питаетъ романтическую страсть Джербино и тунисской королевы, никогда не выдавшихъ другъ друга<sup>9)</sup>, воспитываетъ Чимоне<sup>10)</sup>, изощряетъ куртуазію Федерико дель Альбериги<sup>11)</sup>, виртуозный культъ красоты у стараго маэстро Альберти<sup>12)</sup> и безнадежно-сентиментальное чувство бѣдной Лизы<sup>13)</sup>; доводитъ до смерти<sup>14)</sup> или схимы<sup>15)</sup>. Онъ не знаетъ монашескихъ обѣтовъ<sup>16)</sup>, и не малый подвигъ совершаетъ

---

1) VI, 7.

2) II, 9 и 10: рѣчь Діонео.

3) VII, 2.

4) VII, 5 и начало VII, 6.

5) X, 10 = пер. II, стр. 328.

6) VII, 4.

7) IX, 1.

8) IV, 8 въ началѣ; V, 8 въ концѣ.

9) IV, 4.

10) V, 1.

11) V, 9.

12) I, 10.

13) X, 7.

14) IV, 5, 7.

15) IV, 6.

16) III, 1.

тотъ, кто успѣлъ побороть его великодушіемъ <sup>1)</sup>, или заставилъ поступиться передъ дружбой <sup>2)</sup>. — Разнообразіе женскихъ типовъ Декамерона отвѣчаютъ безконечнымъ оттѣнкамъ одного и того же побѣднаго чувства.

Таково въ Декамеронѣ ученіе о всевластной любви. Видимо, оно ни въ чемъ не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ неаполитанскихъ садахъ Галеоне-Боккаччо спорилъ съ Фьямметтой. Въ основѣ это — овидіевскій взглядъ на физиологическую любовь, какъ на принципъ міроваго согласія и устройства <sup>3)</sup>, на любовь, какъ искусство и виртуозность, объектомъ которой являлись у Овидія либерты, женщины свободныхъ нравовъ, не цѣломудренныя жены, стоящія въ законѣ <sup>4)</sup>, строгія блюстительницы очага и семейныхъ распрей <sup>5)</sup>; къ свободнымъ жрицамъ любви взятымъ и художественно-воспитаннымъ <sup>6)</sup> не примѣнялись обычныя требованія долга, нравственности, имъ мѣсто въ семьѣ, но пониманіе любви, какъ непререкаемой силы, естественно переносилось и на цѣломудрыхъ женъ: всякое женское естество склонно къ сладострастію, говорилъ Овидій <sup>7)</sup>, обобщая примѣры античныхъ героинь; нѣтъ женщины недоступной <sup>8)</sup>. Въ средневѣковомъ обществѣ, не знавшемъ института либертъ и читавшемъ любовные трактаты Овидія, его ученіе могло быть примѣнено лишь къ нелегальнымъ отношеніямъ; оно попадало въ теченіе фаблио или суроваго обличенія, но нашло и развитіе — благодаря софизму рыцарской любви, поднявшему значеніе Амура до мнимаго забвенія плоти. Въ его освѣщеніи женщина представлялась уже не безправнымъ виртуозомъ физиологической страсти,

1) X, 4, 5.

2) X, 8.

3) Art. Am. II, 477: *Blanda truces animas fertur mollisse voluptas.*

4) Art. Am. I, 81 слѣд. = Trist. II, 247 слѣд.; сл. Art. Am. II, 499—500, III, 611 слѣд.

5) Art. Am. II, 153 слѣд.

6) Art. Am. III, 311 слѣд.

7) Art. Am. I, 341.

8) Ib. I, 269—70.

а носительницей идеала; и для нея нѣтъ обычнаго критерія нравственности, какъ для древней либерты, но потому что она подсудна одному лишь одухотворенному Амуру. Чувство искупало само себя внѣ обязательности долга и обычая, освящая мимоходомъ и естественныя требованія чувственности.

Между тѣмъ съ долгомъ и обычаемъ приходилось считаться: житейская практика и житейскіе сюжеты Декамерона указывали на извѣстныя ограниченія. Когда въ Амето нимфы рассказывали о своихъ привязанностяхъ, отвлеченный характеръ среды смягчалъ отношенія, не поднимая вопросовъ о противорѣчіяхъ любви и долга; но уже Фьямметта, оставленная Памфило, плачется, что ради него она презрѣла законъ, попрала святость брака, и вотъ въ Декамеронѣ Неифила доказываетъ что «женщинѣ подобаешь особенно быть честной, соблюдая, какъ жизнь, свое цѣломудріе»; если онѣ не въ состояніи соблюсти его въ «полнотѣ» и подчинятся могучимъ силамъ любви—онѣ найдутъ «въ глазахъ не слишкомъ строгого судьи» свисхождение къ своей слабости <sup>1)</sup>, ибо онѣ нѣживѣ и подвижнѣ мужчинъ, доступнѣ гнѣву <sup>2)</sup>, вмѣстѣ съ тѣмъ упрямы, подозрительны, малодушны и страшливы и не могутъ обойтись безъ руководителей. Такъ говоритъ Пампиня <sup>3)</sup>; естественный руководитель женщины—мужчина, «самое благородное животное изъ всѣхъ смертныхъ, созданныхъ Богомъ» <sup>4)</sup>, вторитъ Филомена, а Емилія подтверждаетъ это практическимъ совѣтомъ. «Если здраво взвѣситъ порядокъ вещей, говоритъ она, легко убѣдиться, что бѣольшая часть женщинъ вообще природой, нравами и законами подчинена мужчинамъ и должна быть управляема и руководима по ихъ благоусмотрѣнію; потому всякой изъ нихъ, желающей обрѣсти миръ, утѣху и покой у тѣхъ мужчинъ, къ которымъ она близка, подобаешь быть смиренной, терпѣливой

1) VIII, 1.

2) IV, 3.

3) Дек. Вступленіе = пер. I, стр. 16.

4) II, 9.

и послушной, и прежде всего честной; въ этомъ высшее и преимущественное сокровище всякой разумной женщины. Еслибъ насъ не научали тому и законы, во всемъ имѣющіе ввиду общее благо, обычай или, если хотите, нравы, сила которыхъ такъ велика и достойна уваженія, то на то указываетъ намъ очень ясно сама природа, сотворившая намъ тѣло нѣжное и хрупкое, духъ боязливый и робкій, давшая намъ лишь слабыя тѣлесныя силы, пріятный голосъ и мягкія движенія членовъ: все вещи свидѣтельствующія, что мы нуждаемся въ руководствѣ другого . . . . А кто наши правители и помощники, если не мужчины? И такъ мы обязаны подчиняться мужчинамъ и высоко уважать ихъ; кто отъ этого отдаляется, ту я считаю достойной не только строгаго порицанія, но и суроваго наказанія. . . . Есть у мужчинъ такая поговорка: «доброму коню и лѣнивому коню надо поговялку, хорошей женщинѣ и дурной женщинѣ надо палку . . . Всѣ женщины по природѣ слабы и падки, потому для исправленія злостности тѣхъ изъ нихъ, которыя дозволяютъ себѣ излишне переходить за положенныя имъ границы, требуется палка, которая бы ихъ покарала; а чтобы поддержать добродѣтель тѣхъ, которыя не даютъ увлечь себя черезъ мѣру, необходима палка, которая бы поддержала ихъ и внушила страхъ» <sup>1)</sup>. Хуже, если ихъ вѣтренность и неразуміе вызоветъ жестокую кару, вродѣ кары школяра надъ поглумившейся вдовой <sup>2)</sup>.

И такъ съ одной стороны побѣдныя силы Амура, съ другой—законы, обычай и нравы; сирость естественнаго чувства—и цѣломудріе; Беатриче <sup>3)</sup> и Лидія <sup>4)</sup>, артистически обманывающія своихъ мужей—и честныя жены: маркиза Монферратская, спокойно-разумно укрощающая вождельніе Французскаго короля <sup>5)</sup>,

1) IX, 9 = пер. I, стр. 230—1.

2) VIII, 7.

3) VII, 7.

4) VII, 9.

5) I, 5.

жена Бернабб, торжествующая надъ злостнымъ навѣтомъ, которому повѣрилъ ее мужъ <sup>1)</sup>, Джилетта изъ Нарбонны, энергически добивающаяся правъ супруги <sup>2)</sup>, Гризельда, добродѣтельная жена, фиктивно лишенная этихъ правъ самодурствомъ мужа <sup>3)</sup>. Рядомъ съ откровеннымъ требованіемъ свободы выбора и свободы чувства у Гисмонды <sup>4)</sup> и англійской королевы <sup>5)</sup>—похвала великодушію Джентиле <sup>6)</sup>, что онъ отказался отъ своихъ внѣшнихъ правъ на женщину, которая его не любила, или дружба Джизиппо, уступившаго Титу свою невѣсту, причемъ одинъ не предупредилъ ее, другой обманулъ, а она, «какъ женщина умная, обративъ необходимость въ долгъ», быстро перенесла свою любовь на другого <sup>7)</sup>.

Какъ объяснить эти противорѣчія идеаловъ любви и долга? Протоколизмомъ-ли художника, останавливающегося на каждомъ жизненномъ явленіи въ отдѣльности, оцѣнивающего его въ цѣмъ самомъ и имъ самимъ и изъ него же извлекающего его философію? Но противорѣчіе лежитъ, очевидно, не въ качествахъ художественнаго приѣма, а въ самомъ міросозерцаніи Декамерона. Въ пору страстныхъ увлеченій и «неупорядоченныхъ желаній» <sup>8)</sup>, Боккаччо могъ вѣрить въ рѣшающую, обязательную силу любви, не знающей счетовъ съ какими бы то ни было законами, исходящими изъ другого источника. Тогда онъ былъ влюбленъ и сомнѣнія Фьяметты его не убѣдили <sup>9)</sup>. Но періодъ страстности прошелъ, и такому вдумчивому и чуткому наблюдателю жизни, какъ Боккаччо, нельзя было удержаться при прежнемъ обобщеніи; на это былъ способенъ лишь такой педантъ и моралистъ,

---

1) II, 9.

2) III, 9.

3) X, 10.

4) IV, 1.

5) II, 3.

6) X, 4.

7) X, 8.

8) Дек. Введеніе = пер. I, стр. 1.

9) См. выше стр. 168 слѣд.

нотариусъ и поэтъ, какъ Франческо да Барберино, наивно соединившій въ своемъ женскомъ Домостроѣ<sup>1)</sup> обрядовой укладъ итальянской семьи съ вынесенными изъ Прованса выспренними наставленіями Амура<sup>2)</sup>. Но это не Амуръ юнаго Боккаччьо, а благо вообще, или, еще скучнѣе и отвлеченнѣе: «начало, посредствующее между двумя крайностями, въ силу котораго онѣ держатся вмѣстѣ»<sup>3)</sup>; любовь божественная, любовь мірская, въ которой аллегорія силится раскрыть отношенія къ божественной, но во всякомъ случаѣ любовь законная, не та, которая, не заслуживая этого названія, не что иное, какъ бѣшенство. Такъ объясняетъ самъ авторъ въ комментаріи къ своимъ Documenti<sup>4)</sup>; такова и точка зрѣнія его Домостроя, Reggimento, писаннаго о женщинахъ, не для нихъ, ибо мессеръ Франческо не одобряетъ, чтобы дѣвушку средняго класса учили читать и писать: женщина и безъ того не расположена къ добру, а писаніе даетъ ей поводъ и къ злу<sup>5)</sup>. Его идеаль, подсказанный ему какимъ-то провансальскимъ дидактикомъ<sup>6)</sup> — это женщина, сидящая за прялкой, прядущая безъ узловъ, не роняющая веретена<sup>7)</sup>. Наставляя дамъ въ «вопросахъ любви», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаетъ любовныя бесѣды и не совѣтуетъ сажать влюбленныхъ рядомъ<sup>8)</sup>.

Въ годъ смерти мессера Франческо († 1348) Боккаччьо воображаетъ себѣ въ флорентійской подгородной виллѣ общество молодыхъ дамъ въ бесѣдахъ, которыя заставили бы призадуматься почтеннаго нотариуса флорентійскаго епископа. Бойкія, смышленныя, онѣ хохочутъ надъ чинными, разряженными простухами, представительницами обрядового этикета, не умѣющими

1) Del Reggimento e dei costumi delle donne, нап. въ 1308 году.

2) Documenti d'Amore, 1314—15 г.

3) Del Reggimento, ed. Baudi di Vesmes, стр. 413.

4) Сл. Thomas, Francesco da Barberino стр. 52, 56, 81.

5) Del Reggimento, l. c. стр. 40—42.

6) Ramondo d'Angiò.

7) Del Reggimento, l. c. стр. 173.

8) Комментаріи къ Documenti d'Amore, сл. Thomas l. c. стр. 113.

«вести бесѣду въ обществѣ женщинъ и достойныхъ мужчинъ»<sup>1)</sup>. Онѣ изъ тѣхъ, которыя не удовлетворяются иглой, веретенкомъ и мотовиломъ<sup>2)</sup>, хотя и говорятъ о себѣ противное. Жена Бернабѣ<sup>3)</sup> отличается почти мужскимъ образованіемъ; мы знаемъ, что читала Фьямметта; Боккаччо посвящаетъ ей свои произведенія, Андреѣ Аччяйоли свою книгу объ Именитыхъ женщинахъ; Филиппо Чевфи переводитъ, по просьбѣ мадонны Лизы Перуцци, Героиды Овидія, «книгу о женщинахъ», какъ ее называли. У собесѣдницъ Декамерона было о чемъ рассказать, и онѣ рассказываютъ, поднимаютъ общіе вопросы, смѣются надъ ловкой продѣлкой, порой краснѣютъ при излишней откровенности собесѣдника<sup>4)</sup>, приводя его къ порядку, иногда обходясь смѣхомъ<sup>5)</sup>; шаловливо откровенныя<sup>6)</sup>, не такъ педантично, какъ дамы капеллана Андрея<sup>7)</sup>, онѣ умѣютъ сорвать розу, минуя шипы<sup>8)</sup>, и въ общемъ становятся выше того, что скажутъ; «лишь бы жить честно и не было у меня угрызений совѣсти, а тамъ пусть говорятъ противное», ободряетъ себя Филомена<sup>9)</sup>. И Боккаччо рассказываетъ имъ не однѣ лишь назидательныя повѣсти, и не объ отвлеченномъ Амурѣ мессера Франческо, а о любви, какъ она есть, во всѣхъ ея проявленіяхъ, о долгѣ, какъ онъ понимается и какъ доходитъ до героизма. Не онѣ изобрѣли скоромную новеллу, она существовала ранѣе, въ грубо-откровенныхъ формахъ фаблѣ, и блюстителемъ конфессіональной нравственности слѣдовало бы обратить свои громы на

1) I, 10 = пер. I, стр. 65.

2) Дек. Введеніе = пер. I, стр. 3; сл. De Claris Mul. гл. 54: о художницѣ Thamyris = Timarete Плинія Hist. Nat. XXXV, 59, 147: equidem landabile plurimum, si propectemus fusos et calathos aliarum.

3) Дек. II, 9.

4) I, 5 и passim; сл. V, 10 = пер. I, стр. 415.

5) III, 10 = пер. I, стр. 267; V, 5 = пер. I, стр. 377; VIII, 3 = пер. II, стр. 114; VIII, 10 = пер. II, стр. 179.

6) III, 3 въ концѣ.

7) Сл. lib. I, с. VI, стр. 209—11.

8) Дек. V, 10 = пер. I, стр. 408; сл. выше стр. 504—5, прим. 6.

9) Дек. Вступленіе, = перев. I, стр. 17.

всѣ средніе вѣка. Не Боккаччѣо принадлежитъ починъ реабилитаціи плоти, но онъ не даромъ вчитался въ Овидія: плоть стала у него изящнѣе, красота идетъ выше возжелѣнія, софизмы капеллана Андрея приводятъ къ серьезной постановкѣ вопроса: о правахъ свободнаго чувства. Нападенія на упадокъ церковной жизни, на нравственную распущенность клериковъ, то-же не новшество: вспомнимъ нареканія Даміани, для Византіи обличенія Евстаѳіа Солунскаго и Феодора Продрома. И здѣсь, какъ въ проповѣди любви, за откровеніями фабліо остается преимущество давности, но Боккаччѣо первый внесъ всѣ эти сюжеты въ бесѣды культурнаго кружка: и рассказы о шашняхъ злыхъ женъ, о продѣлкахъ монаховъ, и серьезную инвективу на нравы римской куріи; и не только перенесъ все это въ салонъ, но и облекъ въ изысканную форму то, что до него туго проникало въ изящную литературу: онъ создалъ новеллу въ «удовольствіе» читающимъ дамамъ.

Это было новшество, и оно встрѣтило противорѣчія, на которыя Боккаччѣо отвѣтилъ; но онѣ заставили его самого задуматься. Въ началѣ IV-го дня онъ устраняетъ нѣкоторыя сомнѣнія, вызванныя рассказами первыхъ трехъ дней. Онѣ исходили, очевидно, изъ литературныхъ кружковъ; говорили серьезные люди, пуристы, люди благочестиваго закала съ схоластической жилкой, вродѣ Франческо да Барберино. Однимъ казалось неприличнымъ, что человѣкъ на четвертомъ десяткѣ болтаетъ о женщинахъ и любви и старается угодить дамамъ. Боккаччѣо отвѣтилъ имъ примѣрами Гвидо Кавальканти, Данте, Чино изъ Пистойи — и ссылкой на прелестную новеллу о старикѣ маэстро Альберто<sup>1)</sup>: всѣ они, уже зрѣлые, находили въ культѣ женщинъ и честь, и удовольствіе. Другіе утверждали, что авторъ поступилъ-бы умнѣе, еслибъ оставался «съ музами на Парнасѣ», а не занимался-бы такой болтавней, баснями, не приносящими заработка. Такъ говорили люди, видимо собогъзнававшіе о моей славѣ, прони-

---

1) I, 10.



чески замѣчаетъ Боккаччо и отшучивается: съ музами хорошо быть, но не всегда возможно, въ такихъ случаяхъ полезно бываетъ общество имъ подобныхъ, ибо музы — женщины. «Не говоря уже о томъ, что женщины были мнѣ поводомъ сочинить тысячу стиховъ, тогда какъ музы никогда не дали мнѣ повода и для одного. Правда, онѣ хорошо помогали мнѣ, показавъ, какъ сочинить эту тысячу и, можетъ быть, и для написанія этихъ рассказовъ, хотя и скромнѣйшихъ, онѣ нѣсколько разъ явились, чтобы побыть со мною..., почему, сочиняя эти рассказы, я не удаляюсь ни отъ Парнасса, ни отъ музъ»<sup>1)</sup>.

Музы и Парнассъ — это, очевидно, требованіе серьезной поэзіи, латинской или итальянской, дидактической или любовной, но высокаго стиля, къ которому приучили поэты тосканской школы. Боккаччо отстраняетъ отъ себя эти требованія: онъ не затѣвалъ ничего серьезнаго, его рассказы «скромнѣйшіе», написаны не только народнымъ флорентинскимъ языкомъ, въ прозѣ и безъ претензій, но и, насколько возможно, скромнымъ и простымъ стилемъ<sup>2)</sup>. Въ этомъ оправданіи есть и самоуничтоженіе, порой посѣщавшее Боккаччо, и сознаніе несоразмѣрности непритязательнаго литературнаго рода, который онъ создавалъ, съ другими, упроченными въ преданіи; на эти мотивы указано было выше<sup>3)</sup>; чувствуется и ловкій полемическій приѣмъ, и, можетъ быть, нѣкоторая доля сомнѣнія — въ правѣ своего новшества. Но сомнѣнія проходили, и Боккаччо поднимался во весь ростъ: онъ говорилъ тогда о бурномъ вихрѣ зависти и считалъ себя — поэтомъ; многіе поэты, «занимаясь своими баснями, прославили свой вѣкъ, тогда какъ, наоборотъ, многіе, искавшіе хлѣба болѣе, чѣмъ имъ было нужно, горестно погибли». Потому «да умолкнутъ хулители»; онъ будетъ продолжать свой Декамеронъ<sup>4)</sup>.

Таковъ его отвѣтъ серьезнымъ людямъ, литераторамъ; въ

1) Дек. Вступленіе = перев. I, стр. 276.

2) I. с. стр. 271.

3) Стр. 496 слѣд.

4) Дек. Вступленіе, I. с., стр. 277.

концѣ книги другой — читателямъ, или скорѣе, читательницамъ, потому что Декамеронъ написанъ для нихъ, но за нами стоять, несомнѣнно, тѣ-же серьезные люди и правять ихъ взгляды. Боккаччьо предупреждаетъ ихъ «молчаливые вопросы» и даетъ на нихъ отвѣтъ: инымъ не нравится та или другая новелла—но совершенство дано только Богу; есть рассказы слишкомъ длинныя, но онъ писалъ лишь для тѣхъ, у кого есть досугъ; его упрекаютъ за пристрастіе къ острымъ словамъ и прибауткамъ—онъ благодаритъ за замѣчаніе, но ссылается на монаховъ, которые уснащаютъ такимъ образомъ свои проповѣди, и проницески устраняетъ укоръ, будто у него языкъ злой и ядовитый, потому что ему случается говорить о монахахъ—правду. Но въ центрѣ «молчаливыхъ вопросовъ» стоитъ одинъ, на которомъ Боккаччьо останавливается особенно подробно, съ котораго и начинается свою защиту: вопросъ о пристойности. «Можетъ быть, выныя изъ васъ скажутъ, говоритъ онъ, что, сочиняя эти новеллы, я допустилъ слишкомъ большую свободу, напр. заставивъ женщинъ иногда рассказывать и очень часто выслушивать вещи, которыя честнымъ женщинамъ не прилично ни сказывать, ни выслушивать»<sup>1)</sup>. Это возраженіе Боккаччьо предусмотрѣлъ уже въ вступленіи въ Декамеронъ: онъ не называетъ своихъ рассказицъ ихъ настоящими именами, потому что, говоритъ онъ, «я не желаю, чтобы въ будущемъ кто-нибудь изъ нихъ устыдился за слѣдующія повѣсти, рассказанныя либо слышанныя ими, ибо границы дозволенныхъ удовольствій нынѣ болѣе стѣснены, чѣмъ въ ту пору, когда въ силу указанныхъ причинъ онѣ были свободнѣйшими не только по отношенію къ ихъ возрасту, но и къ гораздо болѣе зрѣлому; я не хочу также, чтобы завистники, всегда готовые укорить человѣка похвальной жизни, получили поводъ умалить въ чемъ бы то ни было честное имя достойныхъ женщинъ своими непристойными рѣчами»<sup>2)</sup>. Удаливъ такимъ

---

1) Заключение автора = пер. II, стр. 332.

2) Дек. Вступленіе = пер. I, стр. 12—13.

образомъ возможность личныхъ нападокъ, онъ на всемъ протяженіи Декамерона не считалъ нужнымъ съузить границы «дозволеннаго», и не разъ предупреждаетъ о томъ отъ лица Діонео, ссылаясь на условія времени <sup>1)</sup>; если рассказы нѣсколько свободны, «то не затѣмъ, чтобы воспослѣдовало отъ того что-либо непристойное въ поступкахъ, а дабы доставить удовольствіе вамъ и другимъ... Кромѣ того ваше общество вело себя съ перваго дня и по сей часъ достойнѣйшимъ образомъ, о чемъ бы тамъ ни рассказывали, и, мнѣ кажется, никакимъ дѣйствіемъ себя не запятнало и не запятнито съ помощью Божіей» <sup>2)</sup>. Въ другомъ мѣстѣ <sup>3)</sup> Діонео допускаетъ, что среди нихъ рассказывались «новеллы веселыя и, можетъ быть, увлекашія къ вожделѣнію», но онѣ опасны лишь для «слабыхъ духомъ», не для нихъ. Въ заключеніи Декамерона Боккаччо еще разъ возвращается къ мотиву чумы, напоминая, что бесѣды велись «не въ церкви, о дѣлахъ которой слѣдуетъ говорить въ чистѣйшихъ помыслахъ и словахъ (хотя въ ея исторіи встрѣчаются во множествѣ рассказы куда какъ отличные отъ написанныхъ мною), и не въ школахъ философіи, ... а въ садахъ, въ увеселительномъ мѣстѣ, среди молодыхъ женщинъ, хотя уже зрѣлыхъ и неподатливыхъ на розказни, и въ такую пору, когда для самыхъ почтенныхъ людей было не неприличнымъ ходить со штанами на головѣ во свое спасеніе» <sup>4)</sup>.

Но историческій мотивъ чумы былъ недостаточенъ, нареканія въ непристойности требовали другого отвѣта, и Боккаччо даетъ его. — «Рассказы эти, говоритъ онъ, каковы бы они ни были, могутъ вредить и быть полезными, какъ то можетъ все другое, смотря по слушателю». Кто не знаетъ, что вино, огонь, оружіе приносятъ и пользу и вредъ? «Ни одинъ испорченный умъ никогда не понялъ здраво ни одного слова, и какъ приличныя слова ему не на пользу, такъ слова и не особенно приличныя не могутъ

1) Сл. выше стр. 449—450.

2) VI, 10 = пер. II, стр. 37.

3) X, 10 = пер. II, стр. 328—9.

4) Дек. Заключение = перев. II, стр. 333.

загрязнить благоустроенный умъ, развѣ такъ, какъ грязь ма-  
раетъ солнечные лучи и земныя нечистоты — красоты неба . . . .  
Всякая вещь сама по себѣ годна для чего нибудь, а дурно упо-  
требленная можетъ быть вредна многимъ; то-же говорю я о моихъ  
новеллахъ. Кто пожелалъ бы извлечь изъ нихъ худой совѣтъ и  
худое дѣло, онѣ никому того не воспрепятствуютъ, если случайно  
что худое въ нихъ обрѣтется и ихъ стануть выжимать и тянуть,  
чтобы извлечь его; а кто пожелаетъ отъ нихъ пользы и плода,  
онѣ въ томъ не откажутъ, и не будетъ того никогда, чтобъ ихъ  
не сочли и не признали полезными и приличными, если ихъ ста-  
нутъ читать въ такое время и такимъ лицамъ, ввиду которыхъ  
и для которыхъ онѣ и были рассказаны» <sup>1)</sup>.

Это почти выраженія, которыми Овидій защищаетъ свою  
*Ars amandi*: онъ также не совращалъ къ грѣху <sup>2)</sup>; нѣтъ такой  
книги, изъ которой женщина, настроенная порочно, не почерп-  
нула-бы новой для себя пищи. Раскроетъ она анналы: онѣ раз-  
скажутъ ей, какъ Илія стала матерью, какъ произошла Венера.  
Изъ этого не выходитъ однакожъ, что всѣ книги вредны. Что  
полезнѣе огня? Но онъ служить орудіемъ поджигателямъ; вра-  
чебное искусство и губить и лѣчить, научая распознавать какъ  
полезныя, такъ и вредныя травы; и разбойникъ и осмотритель-  
ный путникъ одинаково опоясываются мечемъ, краснорѣчіе мо-  
жетъ защитить виновнаго и обрушиться на невиннаго; такъ и  
мое твореніе, если читать его, какъ слѣдуетъ, никому не можетъ  
повредить, а кто выноситъ изъ него вредное, тотъ его не понялъ <sup>3)</sup>.  
Потому не грѣхъ слагать шаловливые стихи <sup>4)</sup>: цѣломудреннымъ  
достоитъ читать о многомъ, чего не подобаетъ творить; а испор-  
ченные умы способны отъ всего совратиться <sup>5)</sup>. Иначе при-  
шлось бы закрыть циркъ и храмы, запретить мимы, сказать объ

1) l. c. стр. 333—334.

2) *Trist.* II, 212: *obscoeni doctor adulteri.*

3) l. c. *Et nimium scriptis abrogat ille meis.*

4) 307: *versus evolvere molles.*

5) l. c., v. 301.

Илиадѣ, что это повѣсть прелюбодѣянія, что Одиссея—разсказъ о женѣ, любви которой, въ отсутствіе мужа, добивались многіе; вѣдь и серьезнѣйшій изъ литературныхъ родовъ, трагедія, полна самыхъ порочныхъ проявленій любви <sup>1)</sup>).

И такъ: для чистаго сердцемъ все чисто, говоритъ Овидій, утверждаетъ и Боккаччо, тѣмъ спокойнѣе, что онъ принялъ къ тому и кое-какія мѣры: «нѣтъ столь неприличнаго разсказа, увѣряетъ онъ насъ, который, если передать его въ подобающихъ выраженіяхъ, не былъ-бы подѣ-стать всякому; и мнѣ кажется, я исполнялъ это, какъ слѣдуетъ» <sup>2)</sup>). Нѣтъ сомнѣнія, что онъ никогда не усиливаетъ извѣстныхъ соблазнительныхъ положеній, что образованные флорентійцы XIV-го вѣка смотрѣли на многія вещи проще, чѣмъ смотримъ мы, не знали той *vaive superstition de paroles*, которую Монтанъ предоставляетъ женщинамъ; тѣмъ не менѣе самъ авторъ допускаетъ, что въ иныхъ новеллахъ встрѣчается «кое-что такое» <sup>3)</sup>), то-есть нѣчто опасное не для однихъ «слабыхъ духомъ». Интересно его оправданіе: если соблазнительное осталось, «то того требовало качество разсказовъ, на которые если взглянуть разсудительнымъ окомъ человѣка понимающаго, то станетъ очень ясно, что иначе ихъ и нельзя было разсказать, еслибъ я не пожелалъ отвлечь ихъ отъ подходящей имъ формы» <sup>4)</sup>). Онъ могъ ихъ не разсказывать, и если разсказалъ, то въ утѣшеніе «прелестнымъ дамамъ»: замкнутыя въ своихъ покояхъ, связанныя волею близкихъ, онѣ часто питаютъ въ своей груди любовное пламя, тая его отъ страха и стыда, желая и не желая вмѣстѣ <sup>5)</sup>). Новеллы о разныхъ случайностяхъ любви не только попадали въ ихъ настроеніе, но и очищали страстность сочувствіемъ или смѣхомъ; такъ отводилъ душу молодой Боккаччо, такъ утѣшалась Фьямметта, вычитывая въ

1) Ст. I. с. v. 178.

2) Дек. Заключение = пер. II, стр. 332.

3) I. с.

4) I. с.

5) Дек. Введеніе = пер. I, стр. 2.

книгахъ все, что напоминало ей объ ея отношеніяхъ къ Памфило<sup>1)</sup>; учительный элементъ приводилъ въ новеллы, какъ естественный результатъ успокоеннаго размышленіемъ чувства.

Такъ могъ увѣрять себя Боккаччю; но не всё ему вѣрили. Уже въ древнѣйшемъ, дошедшемъ до насъ спискѣ Декамерона (1384 года) онъ носить и другой титулъ, данный ему, очевидно, не авторомъ: Начинается книга, называемая Декамеронъ, прозванная *Principe Galeotto*. Всѣмъ извѣстенъ рассказъ Франчески изъ Римини, какъ она и Паоло читали однажды о Ланцелотѣ и обуявшей его любви; они не разъ встрѣчались глазами, блѣднѣли, но одинъ моментъ ихъ побѣдилъ: когда они дошли до того мѣста, гдѣ Ланцелотъ поцѣловалъ свою желанную, Паоло запечатлѣлъ дрожащій поцѣлуй на устахъ Франчески. Въ тотъ день они больше не читали; «Галеотто звалась та книга, и кто писалъ ее, былъ для насъ Галеотто»<sup>2)</sup>. Галеотто — это Gallehaut старо-французскаго романа о Ланцелотѣ: онъ первый подмѣтилъ тайную страсть Ланцелота къ Джиневрѣ и помогъ обоюдному признанію. Въ этомъ смыслѣ Франческа могла сказать, что романъ, сблизившій ее съ Паоло, былъ для нихъ Галеотто, и такое прозвище, данное Декамерону, не имѣетъ другого значенія: его новеллы возбуждали нечестныя мысли, потакали страсти. — Обвиненіе въ непристойности уже готовилось перейти къ укору въ безнравственности.

Но раздавались и другіе голоса, голоса идеальныхъ читателей Декамерона, какихъ желалъ себѣ Боккаччю. Вотъ что писалъ одинъ изъ безыменныхъ его современниковъ въ видѣ предисловія къ выборкѣ бесѣдъ учительнаго содержанія и канцонъ Декамерона:

«Великой славы заслуживаетъ имя того, кто находитъ удовольствіе въ упражненіяхъ, ведущихъ къ утѣшенію прелестнѣйшихъ дамъ, ибо похвальное дѣло увеселять тѣхъ, отъ кого міръ

1) Сл. выше стр. 108, 116, 410.

2) *Inf. V*, стр. 127 слѣд.

состоятъ въ веселіи. У кого больше умѣнія и знанія, тотъ долженъ положить на это дѣло и больше старанія: мудрые поэты, слагая занимательныя книги, изобилующія нравоученіемъ, дабы читая ихъ, либо слушая ихъ чтеніе, онѣ получили удовольствіе и пользу; музыканты, сочиняя баллаты и мадригалы, дабы распѣвая ихъ либо слушая ихъ пѣніе, онѣ восприняли любовное наслажденіе; и такъ постепенно каждый совершая то, что по его понятію можетъ особенно понравиться ихъ нѣжнымъ умамъ. Такимъ образомъ оправдывается то, чему научаютъ насъ многіе мудрые люди: что веселая жизнь поддерживаетъ долгую молодость. Какое дѣло похвальнѣе того, которое блюдетъ прекрасную женщину веселой въ ея юности? Не буду излишне распространяться, доказывая вамъ, что прелестныхъ дамъ слѣдуетъ нарочито почитать, ибо доблестные мужи прошлыхъ временъ дали тому явный примѣръ: глубокіе ученые предоставили къ ихъ услугамъ свое знаніе и опытомъ показали, что онѣ достойны высочайшаго почета; то-же дѣлали храбрѣйшіе воины, изъ любви къ дамѣ на смерть сражаясь на турнирахъ; иные поэты сравнивали дамъ съ ангельскими ликами. Какой праздникъ бываетъ хорошъ, если не скрашиваетъ его множество привлекательныхъ, красивыхъ женщинъ? Въ какомъ домѣ весело, если въ немъ нѣтъ веселой женщины? Разумѣется, все это должно быть ясно для всякаго, ибо не только міряне, но и духовныя лица тайно держатся того-же мнѣнія. Смѣю сказать по правдѣ: нѣтъ столь строгаго проповѣдника, порицающаго красоту и наряды женщинъ, который застоялся бы на каедрѣ, еслбъ не видѣлъ кругомъ себя вдовыхъ и замужнихъ дамъ; порой онъ вставляетъ въ проповѣдь, рядомъ съ евангельскими рассказами, какую-нибудь новеллу, лишь бы разсмѣшить ихъ; только довѣрся имъ, такъ отъ смѣха не далеко было бы и до кое-чего другого. Иной разъ въ церкви какой-нибудь охочій магистръ или бакалавръ толкуетъ четверемъ или шести сидящимъ у ногъ его дамамъ о житіяхъ святыхъ, порой внушая имъ, сколь полезно частое посѣщеніе монастырской церкви, то-есть, живущихъ тамъ монаховъ; и о мно-

гомъ другомъ еще говорить онъ, согласно съ ихъ желаніемъ; еслибъ келарь позвонилъ тогда къ трапезѣ, онъ не поднялся бы съ мѣста, забылъ-бы о пищѣ и питьѣ, лишь бы продлить бесѣду. Одной онъ даетъ сшить себѣ сорочку, другой скапуларій и говоритъ: Эти портные портятъ намъ всѣ платья, шить не умѣютъ, а вотъ дамы, такъ тѣ работаютъ хорошо: мелкими стежками строчать, точно бисеромъ нижутъ, штопка у нихъ двойная, все то у нихъ ладится! Такъ, порицая ихъ съ амвона и тайно похвалывая, они чаютъ отъ нихъ услугъ; но Господь да накажетъ ту, которая послужить кому-нибудь изъ нихъ инымъ, чѣмъ шитьемъ, ибо это было-бы знакомъ низкаго, преступнаго духа, и да приключится съ нею, что случилось съ одной моей сосѣдкой: была она въ бѣломъ платьѣ, но когда обнялась съ монахомъ и потерялась объ его черныя одежды, юбка у ней спереди стала вся сѣрая, такъ что когда она вышла изъ комнаты, куда удалилась съ монахомъ подъ предлогомъ исповѣди, родственницы той дамы сказали ему: На здоровье вамъ новая ряса, честный отецъ, очень ужъ она красива, да такъ хорошо выкрашена, что своею тѣнью окрашиваетъ чужое платье! Какъ замѣтилъ это монахъ, застыдился, спустился по лѣстницѣ и никогда болѣе не посмѣлъ возвращаться туда. Довольно будетъ монахамъ — монахинь и святошъ, ибо, по словамъ учителя<sup>1)</sup>, монахини ихъ духовныя жены... Да покараетъ ихъ Господь, ибо они болѣе падки на мірское, чѣмъ на духовное, такъ что, согласно съ пророчествомъ, надо полагать, что Антихристъ народится, либо уже родился.

«Но, достойнѣйшія дамы, не станемъ говорить болѣе, изъ уваженія къ священному сану, о похвальныхъ дѣлахъ духовныхъ лицъ, ибо о томъ пришлось бы толковать слишкомъ много, а обратимся къ похвалѣ тѣхъ, которые, изъ уваженія къ вамъ, приложили трудъ къ изобрѣтенію нѣкоторыхъ прекрасныхъ и пріятныхъ твореній. Въ числѣ прочихъ, о которыхъ я теперь припоминаю, особой похвалы и славы заслуживаетъ мессеръ Джованни ди Боккаччо, которому да пошлетъ Господь долгую и

1) Maestro delle sentenze.



счастливаю жизнь по его желанію. Онъ въ короткое время написалъ много прекрасныхъ и потѣшныхъ книгъ, въ прозѣ и стихахъ, въ честь прелестныхъ дамъ, великодушные помыслы которыхъ обращены на все пріятное, ведущее къ добродѣтели; читая тѣ книги и прекрасные рассказы, или слушая ихъ, онъ находятъ въ томъ высокое удовольствіе и развлеченіе, отчего ему прибываетъ хвалы, а вамъ утѣшенія. Между прочимъ сочинилъ онъ отличную и занимательную книгу, подъ заглавіемъ Декамеронъ». Анонимный авторъ предполагаетъ, что дамамъ его уже читали, и потому копчаетъ свое введеніе перечнемъ его рассказчиковъ и рассказицъ <sup>1)</sup>.

Таковы были сужденія, вызванныя первымъ появленіемъ Декамерона: одни хвалили его назидательность, элементъ вдумчивыхъ бесѣдъ, другіе называли его «Галеотто», очевидно, еще безъ того зловѣщаго значенія, какое придали ему впоследствии, когда паденіе нравственности усилило требованія пристойности, и анекдоты о монахахъ получили значеніе не только религіознаго протеста, но и опаснаго или подозрительнаго вольнодумства. Въ концѣ Декамерона <sup>2)</sup> Боккаччо отдѣлался шуткой отъ упрека, что у него языкъ злой и ядовитый, ибо онъ пишетъ правду о монахахъ; позднѣе эти нареканія подѣйствовали на него серьезно: въ письмѣ къ Магинарду деи Кавальканти онъ стыдится Декамерона, какъ грѣха юности; это было въ 1373 году; между тѣмъ въ послѣдней книгѣ Генеалогій Боговъ <sup>3)</sup>, законченныхъ почти одновременно, чувствуется еще какъ-бы отголосокъ протеста, слабое *errug si tuove*. Защищая противъ хулителей поэзию родъ рассказовъ, повѣстей, *fabellae*, Боккаччо повторяетъ знакомые намъ аргументы, что новеллы развлекаютъ, отводя грустныя мысли, очищая вожделѣніе, заставляя переживать его въ умѣ. «Рассказы нерѣдко освѣжали усталый духъ именитыхъ людей, занятыхъ важными дѣлами, что доказывается не одними

1) Сл. Biagi въ *Rivista Critica d. lett. ital.* I, № 2, стр. 61—2.

2) Дек. Заключение = пер. II, стр. 335—6.

3) XIV, с. 9.

лишь примѣрами древности, ибо мы видимъ, что правители, покончивъ съ серьезными государственными вопросами, призываютъ къ себѣ, точно по природному внушенію, людей, которые веселыми разсказами ободрили бы ихъ духъ и павшія силы. Нерѣдко разсказы доставляли утѣшеніе людямъ, отягченнымъ судьбой, какъ у Луція Апулея благородная дѣва Харита, оплакивавшая свою долю въ плѣну у разбойниковъ, нѣсколько развлеклась повѣстью о Психеѣ, которую разсказала ей старуха». Иной разъ басни поднимали коснѣющій умъ; не буду говорить о людяхъ мелкихъ, обо мнѣ, продолжаетъ Боккаччьо, приводя со словъ Якова да Санъ Северино анекдотъ его отца о королѣ Робертѣ, какъ ему въ молодости не давалась грамотность, пока ловкій педагогъ не развилъ въ немъ охоты къ знанію — баснями Эзопа. Такъ вотъ каковы басни: неученыхъ они прельщаютъ внѣшней канвой, ученыхъ скрытымъ въ нихъ смысломъ; кто хулитъ ихъ, высокоумно осуждая поэтовъ, пусть сначала очистится отъ собственныхъ мерзостей, оглянется на себя, къ какимъ непристойностямъ самъ онъ нерѣдко прибѣгаетъ, чтобы потѣшить дамъ, и тогда пусть попытается очистить чужіе разсказы, помяная слова Спасителя — о блудницѣ.

Были еще средніе, настоящіе читатели Декамерона: имъ онъ нравился пестрымъ разнообразіемъ своихъ типовъ, своей веселостью и разлитой повсюду поэзіей любви; полу-школьная, полународная легенда, привязавшаяся къ Чертальядо, служитъ тому выраженіемъ. Неаполитанскія повѣрья сдѣлали Виргилія — магомъ, въ преданіяхъ Сульмоны Овидій является мудрецомъ, волшебникомъ, проповѣдникомъ, но не забыть и поэтъ: у него была будто бы вилла въ Fonte d'Amore, гдѣ онъ до сихъ поръ стоитъ на стражѣ своихъ сокровищъ; папа Целестинъ узналъ о нихъ изъ книгъ Овидія и, раскопавъ кладъ, построилъ аббатство San Spirito въ окрестностяхъ Сульмоны. На этой-то виллѣ жилъ Овидій въ обществѣ своей любовницы феи <sup>1)</sup>. Въ Чер-

1) Giambattista Basile II, стр. 20—1; IV, стр. 55—6; De Nino, Usi e costumi Abbruzzesi IV, стр. 280—1.

такого-же легенда о феяхъ окружила другого пѣвца любви. Она пристроилась къ подземному ходу, открывающемуся у нижняго этажа башни, гдѣ жилъ Боккаччо, и выходящему въ сталактитовую пещеру внутри холма, расположеннаго въ недалекомъ разстояніи къ сѣверу. Здѣсь, говорятъ, обитали влюбленные въ Боккаччо феи, устроили подъ землей чудесный дворецъ, а съ вершины башни на вершину холма перекинули хрустальный мостъ, по которому поэтъ и ходилъ къ нимъ на бесѣду о любви<sup>1)</sup>. Мы этихъ фей знаемъ: это Фьяиметта, разскащица и героиня Декамерона, Алатіаль и Джилетта, крестьянка изъ Варлунго и Гризельда. Мы забыли, что онѣ когда-то были назидательны или вольны, для насъ онѣ—феи, спускавшіяся къ магу-Боккаччо по радужному мосту поэзіи, и для нихъ то онъ соорудилъ свой чудесный дворецъ — Декамеронъ.

Боккаччо и Овидій—это такая же параллель, какъ Петрарка и бл. Августинъ; Петрарка, глубоко волнуемый самоанализомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересующійся какъ-то объективно его процессомъ, носящійся съ нимъ, выносящій его на показъ, какъ бл. Августинъ на-канунѣ крещенья ведетъ на виллѣ подъ Миланомъ философскія бесѣды, которые записываетъ призванный стенографъ. Именно въ эпоху гуманизма получаютъ свой психологическій *raison-d'être* бывшія когда-то въ модѣ «параллели» великихъ людей и поэтовъ: сходство настроенія, стремленій, темпераментовъ поддерживалось чтеніемъ, каждый находилъ родственнаго себѣ мыслителя, вчитывался въ него поневолѣ, какъ въ эпоху легендъ вѣрующій вдумывался въ типъ излюбленнаго святого, повторяя его житіе, личнымъ подвигомъ переживая его легенду.

Говорить о литературномъ вліяніи Декамерона было-бы здѣсь не у мѣста: его печать лежитъ на всемъ развитіи позднѣйшей художественной повѣсти. Укажу лишь на Чосера. Онъ

---

1) G. Vaccini Il Boccaccio mago, *Giornale di erudizione*, v. I, № 15—16, стр. 233—5.

могъ ничего не знать о Декамеронѣ, кромѣ новеллы о Гризельдѣ въ переводѣ Петрарки, но онъ прочелъ у Боккаччьо многое, что приготовило Декамеронъ: Филострато и Тезейду, особенно Филострато, эту новеллу въ формахъ рыцарскаго романа. Онъ подражаетъ имъ и переводитъ (*Troilus and Cressida, The knights Tale*), орудуетъ стансами Тезейды, внося ихъ въ свой *Parliament of Fowls*, въ *Troilus and Cressida*, въ неоконченную поэму объ *Anelida and Arcite*. Такъ онъ вживался въ новый стиль: его Кэнтерберійскіе рассказы — это Декамеронъ, усвоенный поэтомъ-реалистомъ сѣверной буржуазіи, фаблід, прошедшій итальянскую школу. Изчезли кое-гдѣ тонкіе штрихи, торжественно-классическая степенность, типы поняты рѣзче и ярче, психологически-сложный образъ молодого *blasé* Пандара уступилъ мѣсто болѣе рельефному и понятному, но едва-ли болѣе симпатичному цинику Троила и Крессиды, самодовлѣющій эстетическій анализъ — энергически-односторонней характеристикѣ. Боккаччьо и Чосеръ это не только двѣ среды, но въ извѣстной мѣрѣ и два прообраза.

И далѣе мы встрѣтимъ въ оборотѣ всемірной литературы типы Боккаччьо и сюжеты международной повѣсти, которымъ его личное пониманіе впервые придало художественный интересъ,

*Car il féconde tout, ce charmant inventeur*  
(Alfred de Musset, *Sylvia*);

встрѣтимъ у Лопе де Вега и Шекспира, у *La Fontaine*'а, Лессинга, Мюссе, всякій разъ въ новомъ освѣщеніи. Если однимъ изъ критеріевъ дѣйствительной поэзіи является ея способность питать новые образы и иллюзіи, то Декамеронъ широко отвѣтилъ этой задачѣ.